

В.В. Серов

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВИЛЬНОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКЕ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Данная статья является продолжением предпринятого нами ранее исследования, объектом которого, кроме прочего, были и общественные представления о налогах и налогообложении в I–III вв.¹ За истекшее после предшествующей публикации время необходимость изучения избранной нами темы не исчезла в силу того, что и антиковеды, и византилисты по-прежнему обходят ее стороной². Справедливости ради отметим, что в некоторых специальных трудах по источниковедению отчасти затрагивался вопрос о нашедшем отражении в разных источниках отношении в обществе к налоговой политике позднеантичного правительства, однако экскурсы подобного рода в интересующую нас тематику не приобрели самостоятельного научного значения³. Встречающиеся в историографии подборки с “антиналоговыми” репликациями современных эпохе сочинений не могут претендовать на более или менее полное освещение проблемы общественных представлений о налогах в ранневизантийскую эпоху. Между тем проблема отношения к налогам в обществе позволяет в наше время применить нестандартный подход к источникам и прийти к новым выводам относительно развития позднеантичной идеологии⁴.

Как известно, работа с источниками предполагает использование заранее оговоренного метода. Создание максимально объективной картины общественных представлений о позднеантичных и ранневизантийских финансах потребовало привлечения всех тех видов литературных источников, в которых обна-

¹ Серов В.В. “Теория налогов” в Римской империи (I – первая половина III в.) // Идеология и политика в античной и средневековой истории. Барнаул, 1995. С. 56–83.

² Активные попытки обратиться к теме “морали налогоплательщиков” и проследить ее историю закончились в начале прошлого века: *Vocke W.* Die Idee der Steuer in der Geschichte // *Finanzarchiv*. 1894. Bd. 7; *Hann F.* Zur Grundlegung und Geschichte der Steuermoral. Trier, 1908. К сожалению, практического значения для изучения общественных представлений в ранней Византии эти труды не имеют.

³ Например: *Hahn I.* Theodoretus Cyros und die frühbyzantinische Besteuerung // *Acta Antiqua Hungarica*. Vol. X. 1962. S. 124–126; *Розенталь Н.Н.* Религиозно-политическая идеология Зосима // Древний мир. М., 1962. С. 612–617; *MacMullen R.* Tax-Pressure in the Roman Empire // *Latomus*. 1987. Vol. 46. P. 742–754; *Brandt H.* Zeitkritik in der Spätantike. Untersuchungen zu den Reformvorschlägen des Anonimus de rebus bellicis. München, 1988. S. 61–87; *Досталова Р.* Напряженность социальной обстановки в Византии V–VI вв. в отражении анонимного трактата περί πολιτικῆς ἐπιτομῆς // ВВ. 1990. Т. 51. С. 52–53.

⁴ Примером ввода в научный оборот нового направления и соответственно новой методики изучения источников служит вполне утвердившаяся ныне имагология – сравнительно молодая отрасль исторического и культурологического знания, исследующая образы явлений в общественном сознании. См., например: *Литаврин Г.Г.* Представления “варваров” о Византии и византийцах в VI–X вв. // ВВ. 1985. Т. 46. С. 100–102; но особенно: *Арутюнова-Фиданян В.А.* Образ Византии в армянской средневековой историографии X в. // ВВ. 1991. Т. 52. С. 113–114.

ружились попытки осмысления сущности налогов и в которых можно было разглядеть авторскую позицию по поводу финансовой политики государства. Таких источников оказалось более двадцати. Они были сгруппированы нами по жанровому принципу, в угоду которому пришлось отказаться от традиционного анализа социального происхождения авторов этих сочинений. Конечно, принадлежность автора к определенному социальному кругу позволяет очертить область распространения его представлений, однако в данном случае значимость этих соображений девальвируется тем обстоятельством, что отношение к важнейшим для любого человека предметам (к которым, без сомнения, принадлежат и налоги) принципиально не отличается у представителей удаленных друг от друга социальных слоев. Сходная психологическая установка по поводу “налоговой политики” объединяет большинство византийских авторов, а концептуальное различие обнаруживается лишь между группами произведений, объединенных принадлежностью к одному жанру. При этом актуальность сохраняет и конкретная авторская позиция, благодаря учету которой мы надеемся избежать излишнего схематизма.

Отобранные нами литературные источники (расширить их круг невозможно) отражают специфику воззрений сравнительно узкого слоя ранневизантийского общества, несмотря на то что некоторые из авторов апеллировали к мнению “большинства” народа. Документы, которые могли бы пролить свет на позицию подлинного большинства населения, не содержат главного – продуманного, теоретически оформленного, а зачастую даже личностного отношения к интересующему нас вопросу. Многочисленные папирусы в лучшем случае подтверждают очевидный факт неприятия системы имперского налогообложения, чего, однако, недостаточно для суждения о наличии или отсутствии определенной общественной теории налогов⁵.

Избранные источники были подвергнуты анализу по определенной схеме, в которой все элементы – от представления о налогах вообще до оценки современной финансовой ситуации – позволяют реконструировать взгляды того или иного автора в виде целостной концепции, тогда как в самом тексте источника положительные сведения на этот счет рассеяны и зачастую содержатся между строк. Среди основных элементов этой схемы – представления о сущности государственных расходов, о размере налогов, о соотношении государственного дохода и величины частного имущества, наконец, идея справедливой налоговой политики и правильного финансового управления. Предложенная схема анализа отнюдь не предполагает отрицания субъективного начала – особенностей мировоззрения отдельных авторов. Она позволяет сократить объем аналитической части работы до величины, обеспечивающей одновременно и внимание к деталям, и возможность обобщений. Умеренная схематизация, кроме того, допускает рассмотрение лингвистических форм, в которые облекались авторские образы и представления. С их помощью мы пытались выявить степень сходства и преемственности не только абстрактных идей ранневизантийских писателей, но и средств донесения этих идей до современников.

Выдерживая принцип последовательности при изучении общественных взглядов позднеантичной эпохи, мы расширили хронологические рамки ранневизантийского периода до начала IV в. и сочли возможным использовать выво-

⁵ См., например, описание некоторых из них: *Boak A.E.R. A Fourth Century Petition for Relief from Extortion // JJP. 1946. Vol. 1. P. 7–12; Зельин К.К. Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III в. до начала VIII в. н.э. // ВДИ. 1964. № 4. С. 103–139; Gascou J., MacCoull L. Le cadastre d'Aphroditô // TM. 1987. Т. 10. P. 103–117.*

ды об общественных представлениях раннеимператорского периода как материал для сравнения с данными более позднего, ранневизантийского, времени.

В период принципата общественные взгляды на налогообложение наиболее полно и последовательно отобразил Плиний Младший в панегирике императору Траяну. Плиний понимал государственные налоги как долг частных персон государству, в котором они проживали и обладали имуществом. Государство, в свою очередь, имело обязательства перед совокупностью граждан и собственников⁶. Таким образом, сферу финансов теоретически обслуживал своеобразный общественный договор, заключенный властью и подданными. Власть в лице императора назначала налоги, руководствуясь соображением общественной необходимости или полезности запланированных расходов⁷. Только такой подход к организации финансов Плиний считал единственно правильным. От главы государства требовались практические навыки хозяйственной деятельности⁸, а также высокая сознательность и даже мудрость⁹. Результатом же выполнения этих условий являлось общественное спокойствие и благосостояние. Плиний изобразил и картину неправильной финансовой политики, когда увлечение “дурного” императора расходом общественных средств истощало казну и ставило вопрос о введении новых налогов¹⁰. Самыми общими принципами плиниевской концепции налогообложения были справедливость и умеренность, которые предполагали соблюдение законности, равенства и норм гражданской нравственности¹¹. Указанные представления, составившие своеобразную общественную теорию налогов, встречались в I–III вв. в источниках разных видов¹², что избавляет нас от необходимости ограничиваться анализом только панегириков.

* * *

Обильный материал для изучения общественных взглядов ранневизантийской эпохи содержат исторические труды IV–VI вв. Но богатство этих источников в свете данной темы имеет не только положительные свойства. Значительная хронологическая отдаленность некоторых “историй” друг от друга и отличие в способах подачи сведений требуют последовательного рассмотрения всех тех произведений исторического жанра, в которых так или иначе отражена авторская концепция “правильного” налогообложения.

Аврелий Виктор в приписываемых ему сочинениях¹³ одобрял вдумчивое отношение экономически активного субъекта к управлению вообще и к финансовому управлению в частности¹⁴. Следуя логике Аврелия, легко составить пере-

⁶ Панегирик императору Траяну // Письма Плиния Младшего. М., 1984. С. 212–271 (далее: *Plin. Paneg.*, с указанием на параграф сочинения) = *Plin. Paneg.* 29, 37, 55, 90.

⁷ *Ibid.* 41, 50.

⁸ *Ibid.* 32, 41.

⁹ *Ibid.* 43, 70, 90.

¹⁰ *Ibid.* 40.

¹¹ *Ibid.* 29, 36, 38, 42.

¹² Подробнее см.: Серов В.В. “Теория налогов” в Римской империи... С. 62–64.

¹³ Здесь и далее мы старались уклониться от споров об авторстве и времени создания известных произведений поздней античности.

¹⁴ *Aurel. Vict. De caesar.* IX. 9: “Все это... доказывает его мудрость, а не жадность”; XIII. 9: “Ведь тому, кто управляет другими, нельзя допускать даже малейшей ошибки”; XV. 2: “Города благоденствуют, если управление разумно”; XLI. 2 (о деревенской бережливости); *Aurel. Vict. Epitome.* XIV. 11: “Он разумно организовал ...”.

чень тех объектов финансовой сферы, которые нуждались в рациональном подходе и в приложении “доблестей” императоров. Это прежде всего расходы: на содержание армии¹⁵; на само управление, называемое “службой” (*officium*)¹⁶; на хлебное снабжение столичного плебса¹⁷. Остальные виды затрат Аврелий, по-видимому, к числу расходов государственных – т.е. обязательных – не относил. Поэтому идеалом в сфере расходов он считал ограниченные и только необходимые обществу казенные затраты¹⁸. При незначительных расходах сохранялся запас средств в казне, и налогоплательщики чувствовали себя спокойно и уверенно¹⁹. Казна у Аврелия Виктора выступала своеобразным мерилom правильной финансовой политики. Внезапно пустевший эрарий означал неизбежное увеличение обложения, столь же неожиданное для плательщиков²⁰. Дополнительное налоговое бремя воспринималось им как неправильное не только в силу его неожиданности, но и вследствие новизны по сравнению с привычной нормой. Негативное отношение к новшествам в налогообложении характерно для мировоззрения Секста Аврелия Виктора; “новые налоги” становились в его глазах верным симптомом неспособности правительства управлять государством²¹. Налоги, таким образом, были еще одной оценочной категорией в политической концепции Секста Аврелия Виктора. Его позицию в отношении налогов отличает неприятие той точки зрения, которая признавала, что налоги суть обязанность общества перед государством. По мнению нашего автора, налоги следует платить потому, что таков тысячелетний обычай²², и лишь разумная деятельность нескольких последних поколений придала ему вид взаимовыгодного публичного договора между обществом и государством, который государство почему-то часто не выполняет. Аврелий здесь вновь обращается к категории разума, завершая описание своей концепции правильного налогообложения той же идеей, с которой начинал.

По сравнению с представлениями о налогах Аврелия Виктора концепция Евтропия кажется предельно сжатой и усеченной, что объясняется структурой его “Бревиария”. Но это не единственная отличительная черта взглядов Евтропия на налоги. У автора “Бревиария” более дифференцированная социальная позиция и потому более чуткое отношение к понятию справедливости в финансах. Он совсем не пользовался категорией разума в применении к финансовой политике, а фокусировал внимание на образе государственной казны как олицетворении общественной идиллии. По-видимому, величина эрария представлялась Евтропию определенной: плохо, когда она недостаточна²³, но и превыше-

¹⁵ *Aurel. Vict. De caesar.* XXXIX. 32; *Epitome.* XVI. 9.

¹⁶ Например: *Aurel. Vict. Epitome.* XIV. 11 (упоминается государственная, дворцовая и военная служба).

¹⁷ *Aurel. Vict. De caesar.* XXXIX. 45.

¹⁸ Приоритет публичных потребностей подтверждает следующая его фраза: “Впрочем, упадок нравов был таков, что большинство стало действовать не в публичных, а в собственных интересах” (*Ibid.* XXXIII. 23).

¹⁹ Налогоплательщиков следует видеть в земледельцах (*aratores, cultores*) и землевладельцах-провинциалах. См.: *Aurel. Vict. De caesar.* IX. 9 (“без отягощения земледельцев”); XXXIII. 13 (“благополучие земледельцев”); XXXIX. 45 (“благосостояние колляторов”); *Epitome.* XLVI. 3 (“добрый покровитель посессоров”).

²⁰ *Aurel. Vict. De caesar.* IX. 6: “взыскивал подати (*novas pensiones vectigalium*) по причине истощения казны (*inopia aerarii*) и разорения городов”; *Epitome.* VII–I. 7.

²¹ Ср.: *Aurel. Vict. De caesar.* XXXIX. 32; *Epitome.* XVI. 9.

²² *Aurel. Vict. De Origine.* VI. 6: “Уже прежде вошло в обычай, чтобы люди платили своим царям”.

²³ *Eutrop. Brev.* VIII. 7. 2: “весьма старался в пополнении казны”; 8. 3: “оставил после себя богатую казну”.

ние некоего ее размера было²⁴. Вероятно, желаемую степень наполненности эрария определяли следующие понятия. Во-первых, справедливость (*iustum*), соблюдая которую, правительство сохраняло обычную норму обложения²⁵ и платежеспособность провинциалов²⁶, а также поддерживало относительно равное участие налогоплательщиков в выполнении налоговой нормы²⁷. Во-вторых, умеренность (*moderatio*), которая в переводе на современный язык экономической теории предполагала уменьшение государственных расходов до возможного минимума²⁸. Перечень расходов у Евтропия тоже обладает отличительными чертами, так как он причислял к обязательным государственным расходам не только военные издержки²⁹, но и общественное строительство³⁰, и императорскую щедрость (*liberalitas*)³¹, означавшую, кроме прочего, и освобождение от налогов³². В сюжетах, передавших негативную тональность автора, приведены факты “неумеренности”, которая в целом сводилась к суетливому удовлетворению тщеславия и сопровождалась ненужными расходами казенных средств³³, а вслед за тем – и несправедливостью в налогообложении.

Особенное место в представлениях о правильных налогах уделял справедливости и Аммиан Марцеллин. Однако в его изложении данная категория чаще вырисовывалась методом “от противного”, с помощью противоположных примеров. Так, к несправедливой налоговой политике он относил обложение населения такими повинностями и податями, которые самим обществом³⁴ оценивались как несправедливые. Они были дополнительными к обычной ценовой норме казенными требованиями³⁵ и причиняли провинциалам только убыток³⁶. Рост поборов ассоциировался с несправедливостью (*iniustum*) потому, что власти – как местные, так и центральные – нарушали официально зафиксированную норму, обычай, сложившийся задолго до IV в. и потому превратившийся в закон (*ius*). Марцеллин не применял специального термина для обозначения дополнительного обложения, но всегда давал понять, что такое обложение превышало какую-то известную всем меру, воспринимавшуюся как норма³⁷. Справедливость могла быть обеспечена как соблюдением нормы обложения, так и применением принципа равенства³⁸. Последнее же предполагало такое понятие, как общественная необходимость, которая способна была временно отменять обычай ради общей пользы. Поскольку практика установления дополнитель-

²⁴ Ibid., VIII. 4. 1: “не допускал несправедливости при пополнении казны”; X. 1. 2: “не стремился к увеличению казны”; 16. 3: “не очень стремился к пополнению казны”.

²⁵ Ibid. VIII. 4. 1 (*nihil iniustum*).

²⁶ Ibid. VIII. 7. 2; X. 16. 3 (*in provinciales iustissimus*).

²⁷ Ibid. X. 1. 2; 16. 3.

²⁸ Ibid. VIII. 12. 2 (*benegnitare et moderatione*); IX. 11. 2 (*vir parcus, modestus*); IX. 26.

²⁹ Ibid. VIII. 7. 2; 8. 3.

³⁰ Ibid. VIII. 4. 1.

³¹ Ibid. VIII. 4. 1; 8. 3; X. 1. 2.

³² Ibid. VIII. 4. 1; X. 16. 3.

³³ Например: X. 9. 3.

³⁴ Кстати сказать, Аммиан Марцеллин был одним из немногих ранневизантийских писателей, упоминавших общественное мнение как существующий феномен. См., например: *Ann. Marc.* 14. 7. 8; 21. 16. 17.

³⁵ Ibid. 17. 3. 2 (*capitationis supplementa*); 17. 3. 5 (*indictionale augmentum*).

³⁶ Ibid. 16. 12. 69 (*damna ad provinciarum*); 17. 3. 3 (“неизлечимые раны”).

³⁷ Ibid. 17. 3. 5 (*praeter solita exprimere*); 18. 1. 1 (*sarcina tributorum praegravaret*).

³⁸ Равенство означало участие в налогообложении всех без исключения (Ibid. 16. 5. 5: *ne per indulgentias tributariae rei*) и согласно имущественному положению (21. 6. 6: *omnisque ordo et professio vexabatur*).

ных налогов под влиянием необходимости была достаточно широко распространена в IV в., она тоже начинала уже в силу привычки восприниматься обществом как норма, но общественное мнение при этом настаивало на законодательном оформлении каждого случая дополнительного обложения и на приведении доводов в пользу его необходимости. Марцеллин тоже признавал нормальным превышение нормы налогообложения, но только после публичных и официальных разъяснений³⁹. Таким образом, понимание справедливости основывалось у него на представлении о законности явления. Даже высшая власть должна была опираться на закон, и если этого не происходило в налоговой политике, то с точки зрения общества допускалась возможность корректировать ее региональным администраторам при условии, чтобы они поступали по справедливости⁴⁰. Аммиан подчеркивал значимость опытности (*prudencia*) правителя в финансовых вопросах; он считал опыт лучшим свойством, нежели мудрость, так как опыт позволял принимать единственно правильное решение в конкретной ситуации. Мудрость (точнее, расчетливость – *ratiocinatio*) требовалась тогда, когда отсутствовал практический опыт. Расчетливый или опытный правитель, опиравшийся на принцип справедливости, не только правильно рассчитывал норму налогообложения⁴¹, но и позволял себе проявлять щедрость⁴². Щедрость податного характера, как и вообще забота о налогоплательщике, обеспечивала его лояльность и платежеспособность. Уверенный в справедливости действий власти, подданный был готов выполнять все ее финансовые распоряжения⁴³, хотя и продолжал надеяться на уменьшение даже обоснованной ценой нормы обложения⁴⁴. Таким образом, представление Аммиана Марцеллина о правильном налогообложении предполагало наличие баланса взаимных уступок населения и власти. Необходимые обществу и государству расходы⁴⁵ покрывались в обычном порядке, т.е. или за счет законных налогов⁴⁶, или – если необходимость превышала платежеспособность – посредством победоносной войны с варварами. Справедливость должна была торжествовать в стране при любых обстоятельствах.

Зосим, как и Аммиан Марцеллин, чаще всего говорил о финансах в связи с военным делом. Однако этот автор продемонстрировал более четкое и развернутое понимание взаимной зависимости военных расходов и налогообложения⁴⁷, исподволь культивируя у читателей своей “Новой истории” убеждение в том, что затраты государства на военную сферу не могли быть лишними, и потому военные налоги обоснованы и необходимы. Образцом же ненужных государственных расходов Зосим считал частные расходы императора, осуществлявшиеся за казенный счет. Подобные расходы были бесполезны с точки зрения общественных интересов⁴⁸. Необходимые публичные расходы, какими бы

³⁹ Например: *Ibid.* 22. 11. 6 (*ex iure debent proficere aerarii*).

⁴⁰ *Ibid.* 15. 13. 2; 17. 13. 32.

⁴¹ *Ibid.* 17. 3. 4: *scrupulose computando... capitationis calculum*.

⁴² *Ibid.* 25. 4. 15.

⁴³ *Ibid.* 17. 3. 5: *provincialis hinc inde vastatus saltem sollemnia praebeat*.

⁴⁴ *Ibid.* 19. 11. 3: *censuali professione speciosa fiducia relevatae*.

⁴⁵ *Ibid.* 22. 12. 7: *impensarum amplitudine antehac inusitata*.

⁴⁶ *Ibid.* 17. 3. 4: *non sufficere solum, verum etiam exuberare capitationis calculum ad commeatum necessarios apparatus*.

⁴⁷ Например: *Zos.* 2. 33. 4: “Префекты преториев повсюду взымали налоги с земель... и делали из них военный расход”; 4. 59. 2: “Он знал, что военная необходимость требует больших денег”.

⁴⁸ *Ibid.* 2. 38. 1 (“на недостойных и бесполезных людей”, “расточительность ради честолюбия”); 4. 28. 3 (“иногда без причины, а иногда и на недостойные (дела)”).

большими они ни были⁴⁹, не вызывали нареканий у автора, а необоснованные затраты безоговорочно признавались чрезмерными и осуждались. Не в пример Аммиану Марцеллину Зосим настойчиво развивал идею о том, что неправильная политика расходования средств истощала казну и подрывала всю финансовую систему государства⁵⁰. Пустая казна требовала пополнения до наступления сроков взимания обычных налогов, и тем самым создавалась основа для дополнительного обременения налогоплательщиков⁵¹. Обременительными считались не только дополнительные, но и вообще все те налоги, которые попадали под общественное определение “необычных” либо из-за своей новизны, либо из-за непонятной цели⁵². Поэтому само по себе наполнение казны не являлось для Зосима абсолютной целью финансовой политики. Вместе с тем наполненная казна служила показателем благосостояния страны. Уточняя цель правильной финансовой деятельности византийского правительства, Зосим ввел категорию универсальной меры, которая уравнивала (по крайней мере теоретически) интересы частного и общественного порядка: “справедливая мера анноны и золота”⁵³ в казне оказывала влияние и на величину и количество налогов, и на качество и сумму расходов. О поддержании “меры” обязан был заботиться правитель⁵⁴, который “знает силу публичных налогов”⁵⁵. Так в концепции Зосима появлялась фигура разумного распорядителя финансов, постигшего тайну бюджетного баланса. Ярким примером такого финансового управителя в “Новой истории” стал префект претория Ауксоний, краткая, но емкая характеристика политики которого включила в себя все наиболее известные поздней античности элементы идеального налогообложения⁵⁶. Противоположный Ауксонию образ собирателен, поскольку “плохая” налоговая власть представлялась Зосиму многоликой и вездущей. Уже светлый пример Ауксония должен был обозначить по принципу “от противного” основные черты отрицательного финансиста – пренебрегающего судьбами подданных, преследующего личные интересы, неразумного должностного лица. К этому Зосим добавлял жадность (πλεονεξία)⁵⁷ и жестокость⁵⁸, причем считал, что оба этих качества тесно связаны между собой. Неизбежным итогом действий дурного руководителя становились такие общественные бедствия, как разорение городов⁵⁹ и сокра-

⁴⁹ Например, “большая война” (μεγάλου πολέμου – Ibid. 4. 10. 4), сакральные цели (σιτήσεων πλείονη). См. также: Ibid. 4. 59. 2 (ἔλεγε τῇ περὶ τὰ ἱερὰ καὶ τὰς θυσίας δαπάνη).

⁵⁰ Ср.: *Ann. Marc.* 14. 8. 15 (angustia aerarii) и *Zos.* 4. 27. 2 (τὸ δημόσιον ἐβάρυνε); 4. 28. 3 (τὰ δημόσια δαπανῶν); 4. 59. 2 (βαρύνεσθαι τὸ δημόσιον).

⁵¹ *Zos.* 2. 38: “обременительные для плательщиков налоги” (εἰσφέρουσι γινόμενος φορτικός); “взимал большой вес денег” (τιμῆς ἀργύρου σταθμὸν πολύν).

⁵² Ibid. 4. 16. 1: “Сильнее напирал на взимание налогов и взыскивал их сверх нормы” (ταῖς ἀπαιτήσεις τῶν εἰσφορῶν σφοδρότερον ἐπιχειμένος καὶ ὑπὲρ τὸ σὺνηθες ταύτας εἰσπράττων); 4. 41. 1: налоги, которые “выдумывались дополнительно каждый день” (δὴμέραι ἐπινοούμενην προσθήκη).

⁵³ Ibid. 5. 48. 4: ἐδήλου χρυσοῦ μὲν καὶ σίτου μέτρον.

⁵⁴ Не обязательно император (Ibid. 5. 48. 4 – префект претория).

⁵⁵ Δημοσίων φόρων ἐπιτάμενον δύναμιν – Ibid.

⁵⁶ Ibid. 4. 10. 4: “был справедлив (δίκαιος) во взимании налогов, не требовал ничего сверх положенного (ὀφειλόμενον)”.

⁵⁷ Ibid. 1. 14. 1 (о жадности императора); 4. 16. 1 (где подчеркивается, что оснований для проявляемой жадности уже не было); 4. 27. 2 (о жадности чиновников, растаскивавших государственные средства). Судя по лексике “Новой истории”, Зосим не различал жадности императорской и жадности частных лиц.

⁵⁸ Ibid. 1. 14. 1 (ὀμότητι); 4. 32. 2 (ἀκριβείαν); 4.3.2 (ἀκριβέστατος).

⁵⁹ Ibid. 2. 38. 4 (ἔξεδολάνησεν); 4. 29. 1 (ἐπιλελλέει).

щение армий⁶⁰. Интересно, что Зосим почти ничего не сообщал о бедствиях так называемых “провинциалов”, сосредоточившись в основном на городских слоях (куриалах, сенаторах и городском плебсе), что отличает его от более ранних авторов, которые освещали тему всенародного бедствия из-за имперской налоговой политики.

Подлинным апологетом идеи публичных налогов выступал Приск Панийский. Он соглашался с общим мнением о том, что всякие налоги тяжелы⁶¹, а иногда даже мучительны⁶², но считал, что даже самая тяжелая подать имеет право на существование, если она установлена публичной властью⁶³. В сохранившихся фрагментах своего труда Приск не вникает в подробности построения финансовой политики ранневизантийских императоров, оставляя нам лишь возможность предполагать, что им одобрялась такая деятельность, которая преследовала цель сохранения государственного строя и самой византийской цивилизации. Столь важная цель оправдывала любые расходы⁶⁴. Государственная казна часто бывала пустой⁶⁵, и требовались налоги, чтобы восполнить недостаток денежных или иных фондов в распоряжении правительства. Хотя Приск и различал действительно необходимые государственные расходы и недостойные императорские растраты⁶⁶, он тем не менее полагал, что любые израсходованные средства следует восполнять, чтобы при необходимости адекватно реагировать на неожиданно (*παραχρήμα*) возникавшие поводы для обязательных расходов в интересах общества. Рассматривая налоги как суровую неизбежность, Приск Панийский предлагал традиционные способы ее смягчения. Первым пунктом в списке этих способов у него значится законность обоснования налогообложения, персонафицированная в грамотном правителе (в ранге от “судьи” до императора)⁶⁷. Законная власть, как правило, умела планировать налоговые поступления⁶⁸ и знала как текущую финансовую ситуацию, так и способы разрешения экономических трудностей. Именно такая власть обладала полным правом облагать налогами, тем более, что она по предназначению своему не допускала несправедливостей в налогообложении⁶⁹. Какого-то особенного философского разума от правителя в данном случае не требовалось; Приск желал видеть во главе финансов всего лишь благоразумного человека (*φρονοῦντων*). Очевидно, что он имел перед глазами пример из жизни, и им, судя по всему, являлся Аэций, охарактеризованный Приском положительно во всех отношениях⁷⁰. Таким образом, Приск вслед за Зосимом (или вместе с ним) воссоздает забытую в IV в. традицию олицетворения правильной налоговой политики идеализированной фигурой одного из выдающихся современников.

Стремление заменять рассуждения по поводу идеальной финансовой системы ее персонафикацией еще заметнее в “Истории” Малха Филадельфийского. Его характеристика императоров Льва и Зенона создала заверченный образ

⁶⁰ Ibid. 4. 29. 1.

⁶¹ *Prisc.*, fr. 9. 3 (*τὴν βαρυτάτην*).

⁶² Ibid. (*ἔσειπράττοντο γὰρ μετὰ αἰχισμῶν*); 11. 2 (*ὀδυνηρότερα*).

⁶³ Ibid., fr. 9. 3 (*φόρων σύνταξις; δὲ ῥητὸν χρυσίον*).

⁶⁴ Ibid.: *τῶν χρημάτων αὐτοῖς καὶ τῶν βασιλικῶν θησαυρῶν ἐκδεδαπανημένων; συνεισφέρειν πάντας ἢ νύγκασαν δασμὸν εἰσπραττόμενος*.

⁶⁵ Ibid., fr. 9 (*ἐκδεδαπανημένων; ἐξαντληθέντων*).

⁶⁶ Ibid., fr. 9. 3.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid., fr. 30: *ἀναλογισμὸν ἐποιεῖτο τῶν ἐκ τῆς εἰσφορᾶς ἀθροισθέντων χρημάτων*.

⁶⁹ Ibid., fr. 9. 3 (*συνεισφέρειν πάντας... εἰσπραττόμενος*).

⁷⁰ Ibid., fr. 9. 3; 30.

“плохого” финансового руководителя ранневизантийской эпохи – корыстолюбивого и жестокого расточителя, пренебрегавшего владельческими правами подданных. Правитель этого типа быстро опустошал казну, заботливо собранную его предшественниками, не заботился о финансовом балансе, преследовал в основном личные цели⁷¹. Но вместе с тем и Лев, и Зенон были в описании Приска жертвами собственного неумения управлять. Для полноты образа понадобилась еще фигура расчетливого злодея Василиска, сознававшего пагубность своих финансовых действий⁷². Однако какое бы соображение ни лежало в основе неправильного осуществления расходов, его неизменным результатом бывало оскудение государственной казны⁷³, а вслед за тем и поиск дополнительного дохода. Малх не высказался определенно на тему новых налогов, хотя очевидно, что в целом он осуждал такие способы извлечения дохода, которые нарушали обычную финансовую практику и вредили имущественному состоянию граждан⁷⁴. Отсутствие соответствующих сентенций у Малха объясняется спецификой самой финансовой политики императоров Льва I и Зенона, которые не применяли экстраординарных форм налогообложения⁷⁵. Малх же, описавший периоды правления только этих императоров, не обладал наглядным материалом для иллюстрации подходящих общественных стереотипов. В то же время он не преминул подтвердить распространенное представление об обременительности позднеантичной налоговой системы⁷⁶.

Неопределенно высказывался Малх и о таком важном элементе общественных представлений, как “мера”. Самого этого термина он не употреблял, хотя при описании имперской финансовой политики имел в виду некий ориентир для определения правильности действий правительства. Это не полная казна, ибо ее наполнение могло быть сопряжено с порочными методами; это и не минимальный запас финансовых ресурсов (“остатки” – ὑπόλοιπον), пригодный на случай непредвиденных государственных расходов. По-видимому, показателем правильности политики для Малха являлось “всеобщее благо”⁷⁷, которое, будучи конечной целью, способно было частично оправдать временные отклонения правительства от верного курса. Но общественное благо не могло быть достигнуто без разумной воли тех, кто стоял у руля управления, поэтому Малх ввел в свою концепцию образ благоразумного финансового деятеля – префекта претория Эритрия. Тот был человеколюбив (φιάνθρωπος), понимал суть финансовых явлений (μῆτε τὰ κοινὰ διακοῦντα ἕωρα), придерживался твердых моральных принципов (αἰτησάμενος παρὰ Ζήνωνος ταύτην ἀπέθετο) и осуществлял обусловленную правом (т.е. справедливую) налоговую политику (τοῦ

⁷¹ *Malch.*, fr. 7.

⁷² *Ibid.*, fr. 9.

⁷³ *Ibid.*, fr. 7: “общественные (средства) были тогда в совершенной нужде (τὸ δὲ κοινὸν τότε εἰς πᾶσαν ἀπορίαν κατῆλθεν)”; fr. 15: “казна была не в состоянии давать (οὐκ ἔφασαν ἱκανὸν τὸ δημόσιον)”.

⁷⁴ Так, безусловно осуждаются “дурные дела” (πονηρὸν) – конфискация, продажа должностей и т.п. (*Ibid.*, fr. 16). Негативна его позиция и в косвенном замечании об экстраординарном обложении: “Видя, что общественные средства недостаточны, и не будучи в состоянии усилить тяжесть прежней регулярности в выплате податей...” (*Ibid.*, fr. 7).

⁷⁵ Об этом подробнее см.: *Серов В.В.* Финансовая политика ранневизантийского императора. Барнаул, 2000. С. 67–82.

⁷⁶ Например: *Malch.*, fr. 3: “Они были уже не в состоянии вносить те налоги, которые платили прежде”; fr. 9. 3: “Налоговое взимание заставляло всех плакать”. Обременительность налогообложения была следствием не “новых” налогов, а общего тяжелого финансового состояния страны в 70-е–80-е годы V в.

⁷⁷ *Ibid.*, fr. 7: πάντων ἀγαθῶν.

τῆταυμένου τοῖς συντέλεσιν)⁷⁸. Образ идеального управителя целен в противоположность рассеянному среди нескольких фигур образу плохого финансового деятеля. Такой литературный прием Малха был психологически верным: яркий положительный тип, противопоставленный рассеянному отрицательному, подчеркивал позицию автора и правоту общественного мнения. Вероятно, Малх давал понять, что достижение идеала невозможно до тех пор, пока управлять страной не начнут люди, подобные Эритрию.

Позиция Прокопия Кесарийского по отношению к налогам, финансам и императорской финансовой политике является вершиной развития ранневизантийских общественных представлений в данной области⁷⁹. Действительно, Прокопий был последним из ранневизантийских авторов, неоднократно касавшихся в своем творчестве финансовой тематики, и единственным, кто обращался к ней столь часто. Кроме того, Прокопию удалось включить в свою концепцию многие из положений предшественников, благодаря чему она приобрела черты подлинной теории налогов.

Как и Приск Панийский, Прокопий Кесарийский считал налоги сущностным проявлением государственного суверенитета. Согласно такой точке зрения, наличие верховной власти само по себе уже являлось основанием для налогообложения⁸⁰. В древности данничество считалось следствием безоговорочного подчинения силе, и Прокопий как будто разделял этот устаревший взгляд на суть публичных отношений. В приверженности этой позиции Прокопий был, однако, не вполне последователен, поскольку одновременно в его концепции нашла место и популярная в поздней античности идея взаимных обязанностей государственной власти и общества. Думается, что причиной сложившегося в данном случае концептуального противоречия было то влияние, которое оказали на Прокопия рудименты прежней римской “империалистской” идеологии, видевшей в плательщиках податей только покоренные племена, а не граждан государства⁸¹. Когда Прокопий заводил речь о ромеях, он изменял свой консервативный подход и придавал институту налогообложения значение одного из пунктов так называемого “общественного договора”, в котором император был не просто властью, но олицетворением государства в его целостности. Подданные (κατήκοοι) такого императора должны были оплачивать публичные потребности по определению, существо же потребностей определял обычай, а их величину задавала власть. Получаемые от подданных средства образовывали “общественное богатство”⁸². Публичное основание для взимания налогов предполагало расходование полученных средств лишь на общественно значимые цели. Именно потому, что налоги приносили пользу всем, они были обязательны для всех, кто обладал собственностью. Отказ от выполнения общественной обязанности исключался, и Прокопий даже считал неотъемлемой функцией власти полный сбор той части государственного дохода, которая вменялась каждому конкретному собственнику⁸³. По сути дела он поддерживал официальную теорию налогов, видевшую в налогоплательщике должника казны до мо-

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Впрочем, способности Прокопия к теоретизированию оспариваются в специальной литературе: Cameron Av. Procopius and the Sixth Century. L., 1985. P. 65–66.

⁸⁰ Procop. Caesar. В. P. 2. 10. 23; В. G. 1. 5. 17; 3. 6. 5.

⁸¹ Об устойчивости “империалистских” воззрений в позднеантичном обществе см.: Браунд Д. Свита (cohors) наместника и идеология римского империализма // ВДИ. 1999. № 1. С. 73–84.

⁸² Πλοῦτον δημόσιον – Procop. Caesar. Н. а. 19. 11; 20. 3; 26. 16.

⁸³ Прокопий называл это “основанием” (λόγος) для сбора налогов – Procop. Caesar. В. P. 2. 3. 7; Н. а. 19. 11.

мента уплаты возложенной на него налоговой суммы⁸⁴. Оправданием столь строгой позиции государства служили не только общественные интересы, но и “правильный” режим налогообложения. Для осуществления последнего, по мнению Прокопия, требовался постоянный учет обстоятельств, к которым он причислял в первую очередь наличие земельной собственности, приносящей стабильный доход⁸⁵. Взимание непосильного налога наносило землевладельцу вред и, значит, подрывало благосостояние государства⁸⁶.

Еще одним важным условием правильного обложения Прокопий считал ценз, т.е. точную оценку платежной способности собственника⁸⁷. В итоге для каждого налогоплательщика как бы виртуально существовало справедливое ежегодное налоговое задание, к которому необходимо было всеми силами приближаться при осуществлении налоговой политики. Выполнение именно такого задания составляло суть обязанности плательщика перед обществом и государством. Государство, в свою очередь, обязано было соблюдать не только справедливость при обложении налогами, но и обеспечивать возврат обществу сделанных им “взносов”. Правильно организованное движение финансовых средств от частных лиц к государству и обратно должно было происходить плавно и естественно, словно круговорот веществ в природе⁸⁸.

К расходам на благо общества Прокопий причислял военные расходы⁸⁹. Они были необходимы потому, что позволяли охранять собственность подданных императора, а также потому, что война иногда представляла собой источник дополнительного государственного дохода. Обязательный характер военных расходов служил обоснованием увеличения нормы обложения для покрытия потребностей действующей армии⁹⁰. По-видимому, именно характер военных расходов – почти всегда огромных в VI в. – отвратил Прокопия от дефиниции прочих необходимых обществу расходных статей; обеспечение армии поглощало (*καταλήων*) и регулярный, и прибавочный государственный доход, так что потребности общества в прочих расходах не могли уже самим обществом рассматриваться как необходимые или полезные. Однако власть осуществляла и другие расходы, кроме военных. Прокопий назвал все невоенные виды расходов бессмысленными и неразумными, намекая на то, что власть игнорировала коллективный разум большинства⁹¹. Чрезмерные расходы опустошали государственную казну⁹², которая являлась символом общественного благосостояния⁹³; ее наполнение приводило к увеличению налоговых взносов или к изобретению правительством иных видов дохода, но и то, и другое тяжело отражалось на имуществе населения империи. Здесь Прокопий обращается к понятию обычая в системе налогообложения.

⁸⁴ *Procop. Caesar.* Н. а. 12. 13; 23. 11 (*ἐκάστῳ*).

⁸⁵ *Ibid.* 11. 30; 23. 3 (*τῷ ξωρίῳ φορᾶς*); 23. 11 (*μέτρον τῆς κειμένης ἐκάστῳ φορᾶς*); 23. 21 (*ἥπερ ἐκάστῳ ἐπέβαλλε*).

⁸⁶ *Ibid.* 11. 30; 18. 9 (“сохранность богатства основывается на прочном положении подданных”).

⁸⁷ *Ibid.* 23. 11: *τιμημάτων καταβαλλομένων*.

⁸⁸ *Ibid.* 30. 7.

⁸⁹ *Procop. Caesar.* В. G. 3. 6. 6: “регулярное жалование”.

⁹⁰ *Procop. Caesar.* В. V. 1. 10. 3; В. G. 3. 21. 14; Н. а. 23. 11; особенно Н. а. 23. 18: *ἀνάγκη ἄλλοστε καὶ ὑπὸ τοῦς χρόνους*.

⁹¹ *Procop. Caesar.* Н. а. 8. 31 (*ἀλογίστῳ φιλοτιμίᾳ, προῖεσθαι οὐδενὶ λόγῳ*); 19. 6 (*λόγον οὐκ ἐχούσας*).

⁹² *Ibid.* 19. 5; 19. 7.

⁹³ Битком набитая казна вызывала уважение у Прокопия (*Ibid.* Н. а. 19. 4; 19. 5).

Правильно рассчитанная налоговая норма, обеспечивавшая военные нужды государства, называлась обычной. Прокопий относился к обычному налогообложению так же, как и большинство людей, а именно как к привычной неизбежности⁹⁴. Для простого обывателя какие-то подати и повинности представлялись существовавшими всегда⁹⁵, и потому все новые налоги⁹⁶ бывали приметны либо нестандартным характером⁹⁷, либо многократным превышением обычной нормы⁹⁸. В таких случаях, вероятно, даже законопослушные византийцы негодовали по поводу необоснованного бремени (ἄχθος) поборов. Прокопий пользовался красноречивыми эпитетами, чтобы описать состояние людей, несших тяготы дополнительного обложения⁹⁹. Недовольство населения, естественно, выплескивалось прежде всего на сборщиков налогов, которые и в обычное время не вызывали положительных эмоций, а во время сбора экстраординарных податей и вовсе становившихся символом неправильной налоговой политики правительства. Прокопий обвинял всех финансовых чиновников в стяжательстве¹⁰⁰ и жестокости¹⁰¹. Но сборщики являлись лишь исполнителями воли верховной власти¹⁰². Логично предположить, что командовавшая такими чиновниками власть была достойна более серьезного обвинения. Прокопий (как в свое время и Приск) не требовал от императора проявлений какой-то особенной мудрости, так как считал, что сверхчеловеческий разум способен был одинаково применяться и на хорошие, и на дурные дела. Автор “Тайной истории” создал в лице императора Юстиниана антипортрет желаемого финансового руководителя, не лишённого разных человеческих недостатков, но притом умелого управителя экономикой государства¹⁰³. Негативный портрет наделен чертами не публично, а частного лица, словно бы данный император был случайным человеком на троне. Прокопий, следовательно, обвинял Юстиниана в неумении быть правителем. Противоположный ему образ собиратель, хотя основную положительную смысловую нагрузку несла в себе личность комита священных щедрот Иоанна, “очень кроткого и доброго, не знавшего неправедных способов добывания денег и никому не причинившего вреда”¹⁰⁴. По-видимому, Прокопий не случайно вывел позитивный образ слабым и каким-то мерцающим. Задача его – показать всеисилье верховной власти, единственно способной организовать идеальное финансовое хозяйство¹⁰⁵.

Таким образом, на примере суждений ранневизантийских историков можно выявить две важнейшие черты позднеантичной общественной теории налогов.

⁹⁴ Ibid. 21. 2 (ἐνεπιθιμένη ἢ φορὰ).

⁹⁵ Ibid. 23. 1.

⁹⁶ *Procop. Caesar.* В. Р. 2. 3. 9 (καὶνὴν τοῦ φόρου ἀπαγωγὴν); Н. а. 23. 4.

⁹⁷ *Procop. Caesar.* В. Р. 2. 3. 7; Н. а. 18. 10; 18. 15.

⁹⁸ *Procop. Caesar.* Н. а. 23. 14; 11. 30.

⁹⁹ Ibid. 11. 30 (φόρον ἄδρόν); 12. 12 (φόρου λιχροῦ τε καὶ βαρυτάτου); 18. 10 (φόρους λιχροτάτους); 22. 18–19.

¹⁰⁰ Φιλοχρηματία. См.: *Procop. Caesar.* В. G. 3. 1. 31–32; Н. а. 15. 19; 20. 3; 21. 3; 23. 1.

¹⁰¹ Например: *Procop. Caesar.* Н. а. 12. 13; 15. 19 (τῶν φόρων ἐλιθυμία).

¹⁰² Показателен пример: *Procop. Caesar.* В. V. 1. 10. 3.

¹⁰³ Юстиниан неразумен в расходах (*Procop. Caesar.* Н. а. 8. 4; 19. 6), корыстолюбив (Ibid. 8. 32) и жесток (Ibid.), не считается с общественными потребностями (Ibid. 8. 4), презирает закон и обычай (Ibid. 18. 9; 23. 1) и использует грабительские методы (Ibid. 19. 5; 19. 10; 19. 11; 23. 8; 26. 16).

¹⁰⁴ *Procop. Caesar.* Н. а. 22. 34–35.

¹⁰⁵ Пример – Анастасий, “предусмотрительнейший и рачительнейший из всех автократоров” (Ibid. 19. 5), сумевший достичь высшей цели – наполнения казны – без грабежа подданных.

С одной стороны, это традиционализм, который выражался в настойчивом повторении основных ее положений, а с другой – уступчивость по отношению к существующей власти, готовность оправдывать императорскую финансовую политику при условии, что власть будет обеспечивать формальную поддержку общественного мнения.

* * *

Произведения публицистической литературы из-за их обилия тоже создают проблему компактного обзора. Но, в отличие от историков, публицисты гораздо последовательнее придерживались канонов своего жанра. Поэтому кажется разумным подвергнуть анализу только два источника такого рода, принадлежащих к числу самых знаменитых и цитируемых, а именно труды Либания и Синезия, первый из которых стоит в начале, а второй – в конце периода расцвета ранневизантийского светского полемического и публицистического творчества.

Либаний, как и всякий заискивающий перед императором оратор¹⁰⁶, был щепетилен в подборе терминов, относящихся к области суверенитета. Слово “налог“ в его речах¹⁰⁷ встречалось сравнительно редко, так что Либаний, по-видимому, выказывал свое отношение не столько к налогам как таковым¹⁰⁸, сколько к абстрактной обязанности перед государством всякого налогоплательщика. Эта обязанность не должна была ни оспариваться, ни обсуждаться. В соответствующих местах своих речей Либаний предлагал в качестве предмета обсуждения не право верховной власти облагать налогами, но поведение проводников императорской воли – областных правителей и их официалов. Тем самым он перенесил отношение к имперской налоговой политике, имевшее место в его социальной среде, на местные повседневные гражданские взаимоотношения по поводу налогов. Отсюда характеристикой актуальной налоговой политики у Либания служит не что иное, как оценка деятельности местной финансовой администрации (за исключением курялов), и поэтому же во взглядах Либания на налоговую систему так много противоречий.

Огромное место в либаниевской концепции налогов занимала собственность, точнее – размер частной собственности налогоплательщика. Обладание собственностью являлось доказательством определенной обязанности перед родиной и государством¹⁰⁹. Факт отсутствия имущества свидетельствовал о неспособности гражданина выплачивать налоги и нести публичные повинности¹¹⁰. Из двух этих логических посылок проистекало большинство выводов Либания. Например, вывод о том, что величина налоговой нормы конкретного собственника напрямую зависит от размера его дохода. Другой вывод: власть должна за-

¹⁰⁶ Об участии позднеантичных ораторов в упрочении моделей легитимности власти см.: Люйе М.-К. Стратегии господства и регуляция политики в переходный период: создание образа императора в латинских панегириках // ВДИ. 1993. № 1. С. 163.

¹⁰⁷ *Libanius. Selected Works. Vol. 1-3 / Transl. by A.F. Norman. Vol. 2: Selected Oration. Cambridge (Mass.), 1977. (Далее: Lib. Or.)*

¹⁰⁸ Изредка, в пылу ораторствования, Либаний позволял себе спекуляцию “славы” непопулярного налога, но исключительно для усиления эмоциональной реакции слушателей. Например, Lib. Or. XLVI. 22: “Непосильная подать – хрисаргир – вот зло, превзошедшее все прочие”. Но при этом осуждается не сам налог, а действия императорских чиновников, которые неверно его налагали.

¹⁰⁹ *Ibid.* XXVI. 20; XXXIII. 15, 20; XXXI. 16, 17; XXXV. 4; XLIX. 23; L; LIV. 40; LVII. 51.

¹¹⁰ *Ibid.* XXXIII. 32; XLVI. 22; LIX. 159.

ботиться об увеличении достояния подданных, коль скоро она желает иметь казну неоскудевающей¹¹¹. Столь важные положения выданы у Либания в виде намеков, и он не пытался их четко сформулировать, уделяя больше усилий созданию ярких иллюстраций. Опиравшаяся то на размытые традиционные образы, то на сиюминутные казусы и прецеденты логика Либания производит впечатление противоречивости и порой даже абсурдности, однако таков его метод. Обладавший несомненным ораторским даром, он умело избегал определенности в изложении принципиальных идей: умному слушателю было достаточно и намеков. При всей видимой путаности своих взглядов на налогообложение Либаний оперировал принципами, которые объясняли место многих явлений реальной экономической жизни. Символом справедливости в сфере налогообложения у него являлся правящий император. Важнейший для общественности вопрос о соотношении абстрактной публичной необходимости и частных возможностей антиохийский ритор без сомнений решал в пользу императора, признавая за ним приоритет в определении суммы налогового задания¹¹². Императору при этом не требовалось уточнять действительные возможности подданных, поскольку он один был способен наиболее точно оценить общественные потребности и пути их удовлетворения¹¹³. По Либанию, достаточно было верховной власти издать *delegatio* и привести благовидное оправдание новых налогов, и налогоплательщик “плачет, но вносит”¹¹⁴. Таким образом, заметные в сфере налогообложения противоречия должны были сниматься универсальным условием, что в основе всего происходящего находится сопутствующая власти *ratio*, и правители, не знавшие точно состояния каждого плательщика налогов, все же приносили своими указами только пользу, поскольку опирались на представленное о справедливости¹¹⁵. Впрочем, конструкция Либания была явно рассчитана на поверхностное восприятие и потому не выдерживает серьезной критики (о чем он, надо полагать, догадывался). Приписывая правящему императору неотъемлемый рационализм, оратор должен был признать правильной (и признавал) практику налоговых иммунитетов, которая в действительности зачастую создавала правовое неравенство формально одинаковых субъектов перед лицом публичной обязанности¹¹⁶. В этом случае император оказывался выше необходимости и нарушал общественное понятие справедливости, но при этом оставался правым в глазах Либания, хотя Либаний и заявлял, что необходимость сильнее богов¹¹⁷, а справедливость выше обстоятельств¹¹⁸ и воли правителя¹¹⁹. Недоверие к концепции Либания у слушателей его речей должно было вызывать уже отчетливое стремление оратора отделить политику верховной власти от поведения местных финансовых чиновников. Оправдывая налоговую политику в принципе¹²⁰, он в то же самое время осуждал налоговое принуждение со стороны сборщиков (многие из которых, кстати говоря, были теми куриалами,

¹¹¹ *Ibid.* XXX. 10; XXXIII. 35.

¹¹² *Ibid.* XVIII. 123; L. 6.

¹¹³ *Ibid.* XVIII. 282; XLVI. 23; XLVII. 29; XLVIII. 42; LII. 43.

¹¹⁴ *Ibid.* XXVI. 23; XLVIII. 42.

¹¹⁵ Например: *Ibid.* LIX. 46.

¹¹⁶ Например: *Ibid.* XIV. 48.

¹¹⁷ *Ibid.* LI. 43.

¹¹⁸ *Ibid.* LI. 46; LIX. 16.

¹¹⁹ *Ibid.* L. 19; XLII. 2.

¹²⁰ *Ibid.* XXXIII. 19: “Производство на полях должно приносить пользу императору, и она не должна быть менее (возможной)”; L. 6: “Если это определено законом, то это должно произойти в соответствии с требованием этого закона, хотя бы и не без обиды”.

которых Либаний защищал и оправдывал)¹²¹, поспешность при взимании¹²², наличие у некоторых possessоров налоговых льгот¹²³, а также налоговое задание, не соответствующее размеру владений плательщика¹²⁴. Либаний сознавал тяжесть имперского налогообложения¹²⁵, но настаивал на общественной значимости налоговых поступлений. Позицию Либания необходимо признать интересным примером приспособляемости общественных стереотипов к жесткой налоговой политике верховной власти.

Синезий был более, нежели Либаний, последователен и категоричен в оценках современной ему имперской финансовой политики. Он осуждал расточительность верховной власти¹²⁶, считая ее причиной чрезвычайных – неправильных по сути – налогов и дополнительного обременения провинциалов¹²⁷. Вместе с тем, как и Либаний, Синезий выступал против произвольных поборов местной администрации, называя подобную практику взимания незаконной¹²⁸. Соответственно действия властей, ведущие к освобождению подданных от чрезвычайного налогообложения, считались у него справедливыми¹²⁹. Синезий полагал, что важнейшим принципом финансовой политики имперского правительства должна быть рациональность, которая соразмеряла бы, с одной стороны, налоговые потребности государства с платежными возможностями населения¹³⁰, и, с другой стороны – государственные расходы с общественной необходимостью в них¹³¹. Расходы при этом исполняли бы роль первого условия всей налоговой политики. Поэтому для Синезия важным обстоятельством являлись не мнимые, как у Либания, а настоящие личные свойства правящего императора: гарантом осуществления справедливой налоговой политики был только действительно разумный император, умевший понять и воплотить надежды общечеловечности. Но Синезий понимал, что такой император – недостижимая мечта, оставшаяся в далеком прошлом.

Объективно оценивавший налоговую систему государства Синезий полагал, что для населения обременительны не отдельные налоги (типа хрисаргира или административных поборов), а налогообложение в целом¹³². Критический настрой ратора из Киренаики был обусловлен, по-видимому, особыми обстоятельствами: жизнью в отдаленной глухой провинции, где административный произвол был заметнее; ослаблением центрального управления при Аркадии; наконец, жизненной позицией самого Синезия. Так или иначе, но он считал финансовое управление далеко не идеальным¹³³ и рисовал в письмах и речах довольно-таки мрачную его картину. Неправильное, т.е. не соответствовавшее понятию справедливости (*δίκη*), налогообложение разоряло население посред-

¹²¹ Ibid. II. 32: οὗς τὸ πλεῖστον ταῖς εἰσπράξεσιν; XXXIII. 32.

¹²² Ibid. XXXIII. 18, 19.

¹²³ Ibid. XLVIII. 16; L. 9.

¹²⁴ Ibid. XXXIII. 32: “Хоть кожу сдирай с должника, но никак не добьешься, чтобы неимущий имел деньги”.

¹²⁵ Что видно, например, по тому, с каким пониманием Либаний относился к малым человеческим слабостям вроде стремления избежать ценза: Ibid. XIV. 48–50; L. 23.

¹²⁶ Συνηθείου. Περὶ βασιλείας. 16; 25 (βασιλεὺς δ’ ἐρασιχρήματος) // Synesii Cyrenensis opuscula / Rec. N. Terzaghi. Roma, 1964. (Далее: Syn. De regno.).

¹²⁷ Ibid. 14, 16, 25.

¹²⁸ Ibid. 24; PG. T. 66. Col. 1448, 1576.

¹²⁹ PG. T. 66. Col. 1364.

¹³⁰ Syn. De regno. 25 (σύμμετρα ταῖς τῶν εἰσφερόντων δυνάμεσιν).

¹³¹ Ibid. 24–25.

¹³² Ibid. 25 (ποριστὴν ἀλλυτότατον).

¹³³ Ibid. (τρύχειν εἰσφοραῖς τὰς πόλεις βασιλικόν).

ством недоимок (ἐλλειψμάτων) и устаревших повинностей¹³⁴. Для исправления ситуации в финансовой сфере Синезий предлагал сокращать как императорские расходы (в том числе и на военные цели), так и размер налоговой массы, и обязательно прощать недоимки и не соответствовавшие имущественному положению куриалов литургии.

Таким образом, взгляды на налоги Либания и Синезия дополняют друг друга. Вместе они воспроизводили и поддерживали традиции общественного отношения к налогам и к имперской налоговой политике.

* * *

Весьма важную информацию о проявлениях общественного мнения по поводу налоговой политики позднеантичного правительства содержат также произведения панегирического жанра, в особенности так называемые латинские панегирики IV в.¹³⁵ Интересно отношение авторов этих сочинений к самому термину “налоги”. Очевидно, что политические перипетии III–IV вв. сформировали у податного населения Поздней Римской империи неприятие самого этого слова. Доказательством тому может служить, с одной стороны, подчеркивание в этих официальных источниках необходимости и полезности платежей в пользу государства, и, с другой стороны, явное уклонение от употребления слова “налоги” в контекстах, где они явно имеются в виду¹³⁶. Сознвая устойчивость негативной составляющей социального имиджа налогов, авторы панегириков избегали произносить соответствующие термины в тех местах своих произведений, где повествовалось о финансовых мероприятиях “хороших” императоров (обычно адресатов хвалебных речей)¹³⁷ и, наоборот, охотно пользовались “налоговой” терминологией с целью усилить негативное впечатление от финансовых мероприятий “узурпаторов”¹³⁸.

Но велеречивые обращения к высшей власти не допускали выражений, в которых обнаруживались бы суетные запросы частных лиц. Поэтому панегиристы, а среди них встречались и профессиональные финансовые администраторы¹³⁹, приспособляли некоторые общественные взгляды к официальной политической теории, трактовавшей налоги как важнейший фактор государственных интересов. Неудивительно, что лояльная к высшей власти провинциальная элита признавала необходимость взыскания государственных налогов. Более того, она была привержена доктрине, которая оправдывала такую необходимость.

По мнению панегиристов, налоги были необходимы для того, чтобы покрывать обязательные издержки государственной казны, к которым традиционно относили расходы на укрепление обороноспособности страны¹⁴⁰ и на благоустройство городов¹⁴¹; считалось, что власть не должна нести никаких иных расхо-

¹³⁴ Ibid. 23 (πάλας λειτουργίας πονοῦντας).

¹³⁵ См.: Шаблага И.Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия. М., 1997. С. 5.

¹³⁶ Например: Lat. paneg. VIII. 5. 5: “Однако [община] не могла жаловаться [на налоги] на законном основании...”.

¹³⁷ Например: Ibid. XI. 7: “Облегчение (налогов с) дунайских городов”.

¹³⁸ Например: Ibid. XI. 9: intollerandi tributi mole depressi; XI. 10: quoddam versa vice provinciis pendit tributum, illinc ad universas fluere.

¹³⁹ Например, Клавдий Мамертин: “Me aerarium publicum curare voluisti” (Ibid. XI. 1).

¹⁴⁰ Например: Priscian. Paneg. 298–311.

¹⁴¹ Ibid. 184–185, 207.

дов, поскольку все они не обоснованы общественной необходимостью и являются по существу тратами частноправового, а не публичного характера. Только общественно обусловленный характер государственных расходов способствовал желанному процветанию провинциальной общины – опоры античного миропорядка¹⁴². Таким образом, население провинций должно было думать, что, выплачивая подати, оно гарантировало собственное благополучие. Представление о прямой зависимости благосостояния народа от государственных доходов включало представление не только о цикличности, но и о “прогрессии”, ибо чем выше были обусловленные общественными интересами затраты, тем более оправданными становились регулярные налоги. Идея абсолютной взаимной обусловленности интересов и обязанностей общества и государства была настолько привлекательна в позднеантичный период, что общественность даже освоила для ее иллюстрации наглядный пример круговорота воды и веществ в природе¹⁴³. Поэтому вполне закономерно и общественно приемлемо звучало в панегириках положение о том, что, хотя налоги тяжелы и неприятны, в конечном счете они необходимы и даже полезны; если финансы государства устроены правильно и разумно, то дающий в казну возвращает себе отданное с прибавкой¹⁴⁴.

Исходя из этого положения, провинциалы должны были считать угрозой для себя и одновременно признаком порочной финансовой политики такие государственные расходы, которые не были мотивированы общественной пользой (*utilitas publica*)¹⁴⁵. Под такими обычно подразумевались императорские расходы для удовлетворения личных потребностей и страстей. Они требовали дополнительных ресурсов, которые, в свою очередь, вели к увеличению налогов и в конечном итоге к разорению населения. Методы неправильной налоговой политики определялись в источниках как грабеж¹⁴⁶.

Так выглядела общественная оценка налоговой политики в тех случаях, когда финансовая ситуация в империи была достаточно определенной. Если же деятельность императора не поддавалась четкой позитивной или негативной оценке, то прибегали к иному методу ее характеристики в сравнении с идеалом. Панегиристы обычно использовали при этом понятия, которые обозначали ту или иную степень обременительности налогов для плательщика. В ряде источников начала IV в. отразилось отрицательное отношение общества не к налоговой политике вообще, а к определенным изменениям в налоговой системе: главным объектом недовольства объявлялся при этом всего лишь “новый” ценз, казавшийся провинциальному обывателю непонятным, ненужным и вредным¹⁴⁷. Другим общественным мерилем правильности обложения налогами служила платежеспособность населения, которая традиционно базировалась на понятии минимального прожиточного уровня, правда, различного для разных сословий¹⁴⁸.

¹⁴² Lat. paneg. XI. 9: *Sed universas urbes ope imperatoris refotas enumerare perlongum est; XI. 12: Imperatoris impense studet, ut nos pro dignitate habitemus, ut commodis adfluamus; см. также: XII. 27; Priscian. Paneg. 298–311.*

¹⁴³ Например: Lat. paneg. XII. 26. 2.

¹⁴⁴ Ibid. XI. 14: *Sed stipendiis provinciarum et patrimonii sui fructibus tum undique frumentis coemptis... refersit; totus commodis publicis vacat.*

¹⁴⁵ Ibid. XI. 10: *Enim alii in cupiditatis proprias prodigebant.*

¹⁴⁶ Например: Ibid. XI. 1: *Exhaustae provinciae... non minus exitialibus quam pudendis praesidentum rapinis; XII. 26: Sed tamen latro raptis abutitur; comportabantur interim spolia provinciarum.*

¹⁴⁷ Ibid. VIII. 5. 5; IX. 19. 2; IX. 16. 1.

¹⁴⁸ Например: Ibid. IX. 4. 4; 19. 2; Priscian. Paneg. 27–28; 156 (“пища жизни”).

Наконец, самый главный метод определения качества правительственной финансовой политики предполагал ее сравнение с “обычаем” и “древностью”. Например, в эпизоде с новым цензом у анонимного панегириста эталоном являлась выверенная временем и экономической практикой формула обложения эпохи принципата¹⁴⁹. Своеобразным возвратом к благословенному прошлому считалось, по-видимому, также сложение недоимок, неизменно приветствуемое в панегириках¹⁵⁰. Вообще, апелляция к старине как образцу при оценке современности была характерна для панегириков более, чем для других источников поздней античности¹⁵¹. Думается, что именно идеальный образ прошлого можно считать в них уникальной мерой определения правильности финансовой политики. Панегиристы смело предлагали верховной власти признававшиеся ею еще во II в. пункты идеальной схемы налоговой политики, известные по панегирику Плиния Младшего. При этом власти предлагалось освободиться от таких деталей и элементов, которые оказывались наиболее уязвимыми в условиях реальной финансовой политики и нуждались в постоянном обновлении. Позиция панегиристов была проста: они лишь напоминали императору об основных чертах выверенного налогообложения, а тот, если он действительно заботился о процветании страны, должен был использовать в своей практической деятельности методы, характерные для идеальной модели. Разумеется, способностью возвыситься до уровня общественных представлений обладали далеко не все правители империи, а лишь “мудрые” и “справедливые”.

* * *

Так называемые “политические трактаты”¹⁵² интересны тем, что содержат соображения по поводу какого-либо конкретного предмета; авторы при этом были предельно конкретны. Это, впрочем, не мешало им пользоваться самыми общими элементами принятой общественной концепции “правильного государственного устройства”. Сочетание в одном произведении обширной целевой установки и анализа конкретного предмета обуславливало появление кратких, но необычайно емких формулировок, содержавших претензию на теоретическое осмысление современных автору проблем. Поэтому трактаты являются своеобразными обобщениями некоей суммы разрозненных общественных представлений об отдельном политическом институте. Разумеется, в политическом содержании источников не игнорировалась и тема налогов, как одна из важнейших составляющих в сфере управления¹⁵³. Отсутствие среди политических трактатов специального труда о налогах объясняется, по-видимому, отсутствием самой необходимости в их создании, поскольку в ранневизантийскую эпоху, как

¹⁴⁹ Lat. paneg. VIII. 5. 5.

¹⁵⁰ Ibid. VIII. 11. 1; X. 33. 6; XI. 7. 3; 9. 1.

¹⁵¹ Например: Ibid. VIII. 4. 1: “...то, что старо, то и более свято. Ведь к добрым деяниям достоинство и значимость приходит с возрастом”.

¹⁵² Мы относим к их числу следующие: De rebus bellicis // A Roman Reformer and Inventor / Text, Translation and Introduction by E.A. Thompson. Oxford, 1952. (Далее: De reb. bell.); Menae patricii cum Thoma referendario De scientia politica dialogus / Ed. C.R. Mazzucchi. Milano, 1982. (Далее: De sc. pol.); Ioannes Lydus. De magistratibus populi Romani libri tres / Ed. R. Wuensch. Lipsiae, 1903. (Далее: Ioann. Lyd.).

¹⁵³ Аноним De sc. pol., например, выделил для налогового механизма второе (80: δευτέρα) по значению место в своей идеальной схеме имперского управления.

известно, и без того существовали и официальная, и общественная “теории” налогообложения¹⁵⁴.

Рассматриваемые трактаты на удивление единодушны как в оценках реально действовавшей финансовой системы, так и в предложениях ее реформирования. Базовым компонентом этой системы и одновременно важнейшим оценочным критерием финансовых мероприятий неизменно признавались государственные расходы¹⁵⁵. Среди обязательных государственных расходов всегда фигурировало обеспечение армии¹⁵⁶, хотя иногда военные расходы уступали первое место другим видам обязательных казенных затрат, таким как престиж высшей власти и церковное строительство¹⁵⁷. Все эти расходные статьи признавались общественно значимыми, поскольку служили укреплению государства¹⁵⁸ и повышению благосостояния общества. Общество соглашалось оплачивать необходимые государственные затраты при условии, что налоги будут забирать лишь часть дохода, который имел владелец земли. Поэтому авторы трактатов признавали обоснованными только регулярные поземельные налоги и повинности¹⁵⁹. Судя по всему, финансы представлялись им совокупностью равновеликих расходов и доходов, хотя столь примитивная схема бюджета не удовлетворяла самих авторов, и они стремились уточнять и величину расходов, и размеры налогов. Так, налогообложение не должно было препятствовать нормальной жизни налогоплательщика¹⁶⁰. При пра-

¹⁵⁴ Серов В.В. Теория налогов в ранней Византии (IV–VI вв.) // Византийское государство в IV–XV вв. Центр и периферия. Тез. докладов XV Всероссийской научной сессии византистов. Барнаул, 1998. С. 9–14.

¹⁵⁵ Из трех авторов лишь сочинения Иоанна Лида, уделившего теме доходов казны значительное место среди своих “финансовых” рассуждений, позволяют предположить, что не расход, а умеренный доход должен был, по его мнению, находиться в основе теории государственных финансов. Так, при перечислении финансовой деятельности он писал в первую очередь о доходах и лишь во вторую – о расходах (*Ioann. Lyd.* III. 46: ἅμα κερδαίνοντες, ἅμα δαπανῶντες τὰ περιγυόμενα; III. 44, 51). Однако повышенный интерес к доходной части государственного бюджета следует объяснять не особым взглядом на идеальную финансовую политику, а профессией Иоанна Лида, бывшего финансовым служащим “доходного” ведомства при императорах, которые прославились именно умением наполнить казну. Иначе говоря, Иоанн Лид писал в первую очередь о предмете, более всего знакомом ему.

¹⁵⁶ Иоанн Лид не говорил прямо о военных расходах, но в его описании финансовой деятельности правительства часто присутствуют упоминания о войне и войнах (*Ioann. Lyd.* III. 44, 49, 75; особенно 61). Аноним *De reb. bell.* повествует почти исключительно о военных расходах (например, V. 1). Аноним *De sc. pol.* также считал снабжение армии обязательным государственным расходом (71–73).

¹⁵⁷ *De sc. pol.* 36–38 (о поддержании достоинства высшего сословия); 65–69 (об обеспечении церковников); 162–163 (о содержании бывших императоров). Иоанн Лид упоминает и церковное строительство (например, III. 76), и выкуп пленных (например, III. 75), хотя затрунительно определить его личное отношение к таким расходным статьям, поскольку в соответствующих отрывках переплетены положительные и отрицательные интонации; например, сообщение о строительстве церкви в Константинополе должно было проиллюстрировать деяния положительного героя повествования – префекта претория Фоки, но Иоанн Лид использовал при этом необычные для положительного образа выражения (“и потекла река денег”).

¹⁵⁸ *Ioann. Lyd.* III. 44: “на дела государства”.

¹⁵⁹ Например: *Ioann. Lyd.* III. 61: τοὺς δὲ καρλοὺς ἀλογοῦσθαι κατ’ ἕτος (вообще, вся глава 61 говорит о том же); *De reb. bell.* I. 1; XX. 1; *De sc. pol.* 80: τὸ γεωμωρῶν ἐπὸς τὸν γένος καὶ φορολογικόν.

¹⁶⁰ Например, Аноним *De sc. pol.* предлагал строить доходную часть византийского бюджета по остаточному принципу, т.е. “после вычета всех издержек” налогоплательщика (80, 81). Но такую позицию нужно признать крайней и не обычной для позднеантичных источников. Чаще ориентиром служила абстрактная платежеспособность податного населения (*De reb. bell.* I. 1; IV. 1).

вильном управлении государством (τεταγμένη ἀρχή) получаемый доход обеспечивает не только обычные расходы, но и стратегический запас продуктов¹⁶¹. Эта идеальная модель функционирования финансового механизма империи опиралась на примеры из древней истории¹⁶².

Противоположностью идеальных представлений была реальная финансовая политика ранневизантийских императоров – современников авторов трактатов. На деле даже обязательные расходы обычно намного превышали одобряемый обществом порог “умеренности”. Так, военные расходы многократно увеличивались из-за авантур вроде африканской экспедиции Василиска¹⁶³ или адэрации военной анноны¹⁶⁴; ненужными считались и затраты на “покупку мира” у варваров¹⁶⁵. Увеличение необходимых расходов являлось для власти формальным основанием для повышения регулярных налогов, а также для поиска иных источников финансирования¹⁶⁶. Но общественное мнение трактовало дополнительные военные расходы как расточительность¹⁶⁷. Кроме того, ряд других видов расходов признавался необязательным и даже вредным, разрушавшим финансовый баланс государства. Иоанн Лид, например, называл роскошью (τρυφή) императорские траты на придворную жизнь и украшение столицы. Очевидно, дополнительные расходы представлялись современникам чем-то сходным с казнокрадством, так как посредством них осуществлялись не общественные, а частные интересы. Никакая казна не могла бы обслужить запросы частных лиц, составлявших целые социальные слои (чиновники, воины-ветераны и т.п.)¹⁶⁸. Не сознававшие этого императоры нарушали выверенный механизм оборота средств в стране, и итогом непродуманной финансовой политики становилась “нищета казны”¹⁶⁹, обеднение населения и общественная нестабильность¹⁷⁰.

Итак, главным показателем правильности имперской налоговой политики служило понятие “пользы” налогоплательщика. Повышение обложения вредило ей¹⁷¹, и для обозначения степени вреда источники использовали характерные образы разорения. Так, и Иоанн Лид, и анонимные авторы вводили в повествование образ алчного чиновника, грабившего подданных наподобие врага¹⁷². Корыстолюбие (avaritia, φιλοχρημοσύνη) “начальствующих” и их неразумная жестокость истощали силы налогоплательщиков¹⁷³, подтачивая самую основу на-

¹⁶¹ De sc. pol. 81.

¹⁶² De reb. bell. I. 1 (vetustatis more); *Ioann. Lyd.* III. 61 (ὡς πάλα); De sc. pol. 81, где приведен пример древнеримского налогообложения на Сицилии, которое, по-видимому, Аноним и считал идеальным. (О действительной налоговой политике римлян на острове см.: *Сизов С.К.* Налоговая политика Рима в провинции Сицилия в эпоху республики // Из истории античного общества. Горький, 1983. С. 27–38, где утверждается, что размер налога обеспечивал провинциалам воспроизводство сельского хозяйства и определенную прибыль.)

¹⁶³ *Ioann. Lyd.* III. 43–44.

¹⁶⁴ *Ibid.* 60–61.

¹⁶⁵ *Ibid.* 45; De reb. bell. I. 1.

¹⁶⁶ *Ioann. Lyd.* III. 44: “...казна больше не обеспечивалась, хотя и продолжала тратить на дела государства деньги, которые еще даже не ожидалась...”.

¹⁶⁷ De reb. bell. Praef. 7 (extra solutam largitatem); I. 1 (profusa largitio); V. 1 (enormia).

¹⁶⁸ *Ibid.* IV. 1; V. 1; *Ioann. Lyd.* III. 49.

¹⁶⁹ *Ioann. Lyd.* III. 44.

¹⁷⁰ De sc. pol. 81; De reb. bell. II. 2.

¹⁷¹ De reb. bell. IV. 1 (collatorum utilitatibus inimica); *Ioann. Lyd.* III. 61 (συγκυρήματος τῶν καρπῶν).

¹⁷² Например: *Ioann. Lyd.* III. 49 (πολεμίων ἥσσαν); De reb. bell. IV. 1 (artibus rapinarum).

¹⁷³ De reb. bell. IV. 1 (exhauriant vires collatorum); *Ioann. Lyd.* III. 61 (τὴν πόρθησιν, ἀδικήμασιν).

логообложения¹⁷⁴. Подобная деятельность вполне заслуживала в их глазах наименования “несправедливости”¹⁷⁵. Казалось бы, именно “пользу” налогоплательщика и следует считать тем критерием, с помощью которого в трактатах производилась оценка всей финансовой политики ранневизантийского правительства. Но именно представление о “мере” является наименее определенным из элементов идеальной схемы финансов у авторов трактатов. Действительно, всякий раз при рассмотрении различных составных финансовой цепочки они выбирали новый ориентир. В одном случае им служил доход землевладельца-коллатора (или платежеспособность, или “польза”), в другом – “справедливость”, в третьем – пример древности, олицетворявший некую традицию правильного обложения. В анонимном трактате *De rebus bellicis* фигурирует некий запас драгоценных металлов, который препятствует введению новых налогов¹⁷⁶, а у Анонима *De scientia politica dialogus* мерилом выступает запас зерна¹⁷⁷. Но и наполненная государственная казна могла служить универсальной “мерой” деятельности имперской администрации, потому что Иоанн Лид рассматривал “казну” (τὸ δημόσιον) в качестве вспомогательного средства обеспечения публичных потребностей: она должна была периодически исчерпываться и затем пополняться за счет обычных налогов, собиравшихся в конце года. Поэтому вопрос об универсальной оценочной категории в политических трактатах можно считать открытым, утверждая лишь, что представление о “мере” в них, безусловно, присутствует и даже определяет конечную картину правильной (“размеренной”) финансовой политики.

* * *

Религиозная ранневизантийская литература, как известно, обширна и многообразна. Однако рассматривать ее так же, как литературу светскую, подразделив на жанры и направления, представляется нецелесообразным. Основанием для объединения различных церковных литературных источников в одну группу является их общий взгляд на интересующие гражданские институты через призму религиозного мировосприятия. Религиозные исторические источники представляют собой особый пласт общественного ранневизантийского сознания; их анализ позволяет полнее раскрыть сущность социальных феноменов, к числу которых принадлежит и представление о налогах.

В большинстве своем церковные авторы, как и клирики в целом, не подвергались налогообложению в таком объеме, как миряне. Этим объясняется слабая заинтересованность авторов наших источников в деталях финансового механизма и соответственно малое количество рассуждений на тему налогообложения¹⁷⁸. В то же время, будучи идеологически “обязанными” проявлять милосердие к ближним, апологеты христианского учения подходили к налоговой проблематике как к одному из способов демонстрации православных добродетелей. Итогом столь необычной обусловленности информации церковных ис-

¹⁷⁴ *De reb. bell.* V. 1.

¹⁷⁵ *Ibid.* IV. 1 (*iniquitas*); *De sc. pol.* 81 (τῷ ἄδικῳ).

¹⁷⁶ *De reb. bell.* I. 2.

¹⁷⁷ *De sc. pol.* 81.

¹⁷⁸ Примером игнорирования в церковном источнике злободневной темы налогообложения является Агапит, который чрезвычайно общо распространяется об обязанностях императора перед народом, о взаимоотношениях власти и общества и о добродетельном правителе, но налоги не упоминает: *Agap.* 27, 35, 36, 48.

точников явилось повторение ими расхожих в IV–VI вв. стереотипов общественного мышления, но в сильно усеченном и схематизированном виде. Так, в основе их рассуждений о сущности налогов лежало общее представление о ведущей роли расходов в финансовой политике государства и вспомогательной роли доходов (налогов). Далее, по примеру многих светских авторов церковные писатели называли главной статьей расхода самую заметную из них – обеспечение императорского войска¹⁷⁹. Наконец, из всех видов государственного дохода церковники упоминали лишь о денежных или натуральных взносах населения (главным образом сельскохозяйственного – $\gamma\epsilon\omega\rho\upsilon\omicron$ ¹⁸⁰) на военные нужды¹⁸¹. Столь упрощенная схема осуществления государственных финансов должна была с неизбежностью завершаться выводом о том, что объем взимаемых налогов напрямую зависел от потребностей военного дела. В анализируемых источниках такого вывода формально нет, однако смысловая тональность соответствующих фрагментов позволяет думать, что признание военных расходов необходимыми государственными расходами было для них аксиомой.

Церковники крайне редко подвергали сомнению налоговое право императора и его правительства¹⁸². Эта особенность религиозных нарративных источников проявилась в их равнодушии к существовавшему многообразию актуальных налогов и к процедуре их сбора¹⁸³. Между тем, будучи в известной мере проводниками общественных настроений, церковники изредка проникались психологическим настроением “паствы” и передавали ее отношение к конкретным финансовым явлениям, имевшим широкий социальный резонанс. Такими явлениями были прежде всего дополнительные налоги и недоимки, а также произвол сборщиков налогов. Подобные факты заставляли авторов менять равнодушие на участливость, которая, впрочем, выражалась в весьма сдержанной форме¹⁸⁴. Впрочем, социальный акцент в церковных источниках гораздо шире, чем

¹⁷⁹ Лишь очень немногие источники перечисляли среди государственных расходов другие статьи. См., например: *Кирилл Скифопольский. Житие святого Савы Освященного*. СПб., 1890 (далее: *Vita Sabae* и указание на страницу в издании), где среди расходов упоминается общественное строительство (*Vita Sabae*. 73–74).

¹⁸⁰ *Ibid.* 72.

¹⁸¹ *Socr.* Н. Е. 3. 17: “Содержание многочисленного войска обычно требует денег” ($\kappa\omicron\mu\sigma\acute{\alpha}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma \chi\rho\acute{\iota}\mu\alpha\tau\alpha$); *Theodor. Kyrr.* Н. Е. 5. 20: “Вынуждаемый частыми войнами, василевс наложил на города какой-то чрезвычайный взнос...”; *Soz.* Н. Е. VII. 23. 1: “Заведующие сбором потребовали по случаю войны налог...”.

¹⁸² См., например: Творения Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Т. 3. СПб., 1911. С. 130–131. (Далее: *Bas.* Ер. и номер послания в издании). Ер. 100 (104): “Те, кто нынче производят перепись, не получили предписания от твоей власти...”; Ер. 106 (110): “Прикажи сделать подать терпимой...”. В этом безоговорочном признании сказывались, вероятно, два обстоятельства: во-первых, значительные налоговые и повинностные льготы клириков и, во-вторых, известная “христовая максима” о том, что “кесарю – кесарево”, которая была в церковной среде тем более привлекательной, чем меньше платежей требовал император от церковников.

¹⁸³ Например, Феодорит Киррский попросту перечислял должности, связанные с осуществлением сбора или расходования государственных средств, никак не комментируя их методы и цели с позиции государственных интересов (*Theodor. Kyrr.* Н. Е. 3. 8; 4. 17); Иоанн Златоуст толковал о должном страхе перед властью и, значит, рекомендовал выполнять все ее требования, обращенные к податному населению (*Ioann Chrys.* Ор. 6, 15). Лишь финансовая деятельность императоров-“гонителей” подвергалась моральной оценке по понятным причинам (например: *Euseb.* Н. Е. VIII. 14. 10; X. 8. 12).

¹⁸⁴ Так, у церковных историков V в. заметна неодобрительная тональность, передаваемая словами с негативным смыслом; например: *Socr.* Н. Е. 3. 14: “Начальники областей... вымогали денег больше ($\epsilon\lambda\alpha\rho\chi\acute{\iota}\alpha\varsigma \acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma\ldots \chi\rho\acute{\iota}\mu\alpha\tau\alpha \mu\epsilon\nu \pi\lambda\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu\alpha \eta \epsilon\rho\eta\nu\ldots$)”; *Soz.* Н. Е. VII.

кажется, поскольку он исподволь увлекал их авторов своей внутренней динамикой, выводя на такие проблемы, которые, казалось, не должны были волновать теоретиков веры. Например, проблема платежной возможности объектов налогообложения¹⁸⁵. Многие церковные исторические источники признают, что причиной недоимок, т.е. недостаточной платежеспособности налогоплательщиков, бывали субъективные факторы, которые нарушали бюджетный баланс. К их числу авторы относили затяжную войну¹⁸⁶, разорение землевладельцев в результате восстания¹⁸⁷, а также упоминавшееся уже “сребролюбие” финансовых чиновников. Они не называли универсальной причины обеднения “золотоплательщиков”, которая была известна светским источникам и трактовалась ими как чрезвычайные казенные расходы. Церковные источники вообще опускают множество важных черт виртуальной общественной реконструкции налоговой системы государства. Но имеющаяся в них рефлексия по поводу отмеченных явлений финансовой жизни позволяет надеяться на то, что некая абстрактная модель, объяснявшая суть налогообложения, в умах церковников все же присутствовала.

Больше всего указаний на обеднение населения имеется в церковной публицистике IV–VI вв. “Скорбь угнетенных” зачастую ассоциировалась там именно с налогообложением¹⁸⁸. Очевидно, что церковники сознавали разрушительную силу увеличенного налогового бремени. Но вновь, как и в других ситуациях, они не пытаются поставить вопрос о причинно-следственных связях обнаруженного явления. Единственное, что демонстрирует их отношение к предмету, это соответствующие фразеология и терминология. Так, чрезвычайные налоги часто выражались в тексте сравнительной степенью от прилагательного “полный” (которую можно перевести как “больше” – πλεον, πλεονα), что предполагало наличие какого-то количественного эталона¹⁸⁹. Понятие эталона, или “меры”, уточнялось иногда определением “должное” и “древнее”¹⁹⁰, что было также равнозначно обычному порядку вещей. По-видимому, в сознании клириков, знакомых с практикой налогообложения и ходатайствовавших за прихожан о его облегчении, укоренилось понимание “меры” как стабильной величины регулярных налогов, установленных согласно результатам цензовой описи. Все, что налагалось сверх того, было чрезвычайным и разоряло налогоплательщика. Избегавшие точного определения “меры” в налоговой сфере церковные источники пользовались универсальной этической категорией “справедливость” (δίκη) и ее производными, вкладывая в нее и общественные представления о правильном налогообложении¹⁹¹. Понятие справедливости было главным со-

23. 1: “Заведовавшие сбором податей рассудили за благо потребовать платить больше (πλεον τι τῶν εἰσθότων φόρων εἰσπράξασθαι τοὺς ὑποτελεῖς)”. Отцы церкви проявляли недовольство жадностью сборщиков, например: *Bas.* Ep. 21: “Сборщики предпочитают учетверение общественных налогов”; *Ioann Chrys.* Ep. 64.

¹⁸⁵ *Vita Sabae.* 73; *Bas.* Ep. 84 (88).

¹⁸⁶ *Theodor. Kyrr.* H. E. 5. 20; *Soz.* H. E. 7. 23.

¹⁸⁷ *Vita Sabae.* 73–75.

¹⁸⁸ У Василия Великого: “жилище, ненавистное хозяевам из-за множества наложенных на него податей” (Ep. 79 (83)); “нетерпима подать” (Ep. 106 (110)); “непереносимые беспокойства” (Ep. 32) и др.

¹⁸⁹ *Socr.* H. E. 3. 14; *Soz.* H. E. 7. 23; *Bas.* Ep. 21; 100 (104).

¹⁹⁰ *Bas.* Ep. 81 (85), 137 (142).

¹⁹¹ Например, у Василия Великого справедливое обложение налогами предполагало учет обычаев местности и представления о равенстве (в смысле римской *aequitas*): *Bas.* Ep. 291 (299); поведение налогового чиновника почиталось справедливым, если он действовал не в личных, а в общественных интересах: Ep. 295 (303).

единительным звеном во всей логической схеме их представлений о финансах государства. Справедливость должна была контролировать размер государственных расходов, она обязывала следить за соблюдением величины государственных податей, призывать к порядку чиновников налоговых ведомств. Но что питало справедливость и применяло ее в нужном направлении? На этот вопрос духовные лица отвечают вполне определенно: это власть, точнее, хороший правитель. Необычайно популярный в позднеантичной литературе топос способствовал созданию идеального образа “доброе” правителя, наделенного комплексом добродетелей, среди которых неизменно фигурировала “разумность”, причем ориентированная в плоскость именно финансовой деятельности¹⁹². Таким образом, единственным условием “правильной” налоговой политики в государстве, по мнению наших источников, было правление разумного и справедливо-го государя.

Итак, исторические источники религиозной направленности обнаружили сходство взглядов на явление налогообложения со светскими и даже “языческими” источниками. Отстраненность религиозной идеологии от проявлений профанной жизни была преодолена важностью объекта, каковым были налоги. Но родство церковных писателей с миром могло быть гораздо более близким, чем кажется при чтении их произведений. Особенно это заметно на примере трудов Лактанция и Евагрия Схоластика, формально принадлежащих к жанру церковной истории¹⁹³. Оба этих автора, разделенных трехсотлетним промежутком времени, занимались несвойственным церковным писателям делом – критикой системы налогообложения, причем критикой с позиций широких слоев населения империи. Оба источника критиковали новшества в сфере налогов, которые болезненно воспринимались прежде всего в среде рядовых плательщиков. Рассмотрение взглядов Лактанция и Евагрия важно для восстановления общей картины налогов, существовавшей в сознании предшественников церковной историографии и образованных церковников в целом.

Лактанций сообщает об общественной реакции на введение новой формы процедуры сбора податей. По мнению источника, власти допустили нарушение обычного, традиционного порядка. Лактанций последовательно сравнил нововведения Диоклетиана с элементами предполагаемой правильной налоговой системы, благодаря чему можно восстановить ее в деталях. Так, по мнению землевладельцев, не должно быть много участников процедуры обложения и сбора налогов¹⁹⁴. Далее, недопустимо изменение устоявшихся методов раскладки податей и применение незаконных (читай: необычных) способов их сбора¹⁹⁵, к

¹⁹² *Bas. Ep.* 79 (83); 82 (86); 291 (299); 295 (303); *Theodor. Kyrr.* Н. Е. 5. 12.

¹⁹³ Главный труд Лактанция именуется в специальной литературе по-разному (см.: Тюленев В. М. Лактанций и его *De mortibus persecutorum* // *Лактанций*. О смерти преследователей. СПб., 1998. С. 5–20), однако трудно оспорить тот факт, что в нем излагается история взаимоотношений христианской церкви и Римского государства. В отношении Евагрия мы придерживаемся гипотезы И. В. Кривушина, согласно которой его “Церковная история” является таковой скорее по названию, нежели по содержанию (см.: *Кривушин И. В.* Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998. С. 208–214).

¹⁹⁴ *Lact. De mort. pers.* 7. 3, 5; 23. 1, 6; 31. 3–4. Возмущенный (вместе с налогоплательщиками) Лактанций подчеркнул незаконный статус сверхштатных сборщиков тем, что называл их не так, как это делалось в официальных документах (т. е. *exactores, primipilarii* и т. п.), а так, словно они и были неофициальным явлением: “получающие” (*accipientes* – 7. 3), “участвующие (в сборе) (*exhibiendos* – 7. 5)” и др.

¹⁹⁵ *Iniuriae; extraordinarias opes* (*Lact. De mort. pers.* 7. 4–5; 31. 3). Лактанций живописал неправую методику цензуалов, сравнив ее с той, которая ранее к римским гражданам не применялась (23. 4–5).

числу которых относилось и не обоснованное понятными обществу причинами увеличение налоговой массы¹⁹⁶. Наконец, общественность роптала на несоответствие реальной налоговой политики заявлениям властей о принципах этой политики. Последнее обстоятельство говорит о том, что позднеантичное общественное мнение продолжало внимательно следить за изменениями в официальной теории налогов и сравнивало ее с абстрактной моделью справедливого налогообложения¹⁹⁷. В итоге экспрессивного описания Лактанцием финансовой деятельности центральной и местной властей явственной проступили очертания общественного отношения к ней – отношения, в немалой степени испытываемого и церковниками. В представлении последних налоги выступали в качестве законного признака государственного суверенитета, но при этом должны были служить не столько интересам власти, сколько интересам общества, к которому принадлежали и сами клирики.

Евагрий Схоластик, позиция которого в отношении налогов была близка представлениям подавляющего большинства церковных авторов IV–VI вв., в ряде фрагментов своей “Истории” допустил отклонение от характерного для них положения “стороннего наблюдателя”. Во фрагментах о хрисотелии и виндиках Евагрий словно превратился в обыкновенного куриала и взглянул на события его глазами¹⁹⁸. В экскурсе на тему отмены хрисаргира он дал общественную оценку “этой недостойной даже варваров” пошрины¹⁹⁹. Евагрий будто раздвигал завесу церковного мировоззрения, стараясь передать иные представления о важных вещах, хотя нужно признать, что характерная подоплека церковного интереса все же проглядывает и в этих особенных фрагментах²⁰⁰. Евагрий Схоластик был носителем формирующегося общественного христианского сознания и потому замыкает список не только религиозных, но и светских позднеантичных источников. Он обнаружил признаки нового отношения к налогам – уже не отстраненно-равнодушного, хотя оно еще господствует в его произведении, – но пытливого, предполагающего непосредственное участие церкви во всех мирских экономических вопросах. Евагрий обнаружил ясное понимание связи налогообложения с основными расходными статьями государственной казны, четко определил грань между обычными налогами и “отягощением провинциалов”, сумел увидеть результаты “неправильной” налоговой политики (“расстройство доходов и благосостояния”).

¹⁹⁶ У Лактанция это нарушение описывается понятиями “ограбление, как в войну”, “цена за жизнь”, “плата за голову” (*Lact. De mort. pers.* 23. 1, 6, 7) и классическим выражением *epomitate indictionum* (7. 3) (вариант: *afflixerit indictionibus factis* – 21. 2).

¹⁹⁷ Лактанций, между прочим, заметил, что императорские доходы превысили величину общественно значимых расходов (*Lact. De mort. pers.* 7. 5: *ea quae recondebat (in fisco) integra atque inviolata servaret*).

¹⁹⁸ *Evagr.* Н. Е. 3. 42.

¹⁹⁹ *Ibid.* 3. 39.

²⁰⁰ Приведенные фрагменты выглядят в тексте “Церковной истории” неестественно из-за того, что, вероятно, являются глоссами. Кроме того, в них Евагрий косвенно выражал интересы разных слоев клириков. Например, он осудил хрисотелию, которая могла беспокоить земли церкви так же, как и земли других юридических лиц; сокрушаясь о “благосостоянии городов и доходах курии”, он выразил досаду епископов, у которых виндики могли отнять контроль над городскими финансами; порицая хрисаргир, он назвал его “богоненавистным прибытком”, нарушающим нравственные устои.

Итак, изучение ранневизантийских литературных источников на предмет выявления продуманной общественной позиции по отношению к финансовой политике правительства позволило сделать ряд выводов. Главный из них – это собственно наличие системы представлений о правильном финансовом управлении. Общественная гипотеза, отмечавшая огрехи имперской политики, осталась невоплощенной на практике, хотя при близком рассмотрении она оказывается не такой уж недостижимой. Одной из причин практической не востребоваемости общественной модели “правильного” налогообложения было, как ни странно, само общество, точнее, носители представлений о социальной справедливости. Эти люди тратили усилия на то, чтобы тиражировать и без того широко распространенные образы пресловутой справедливости, в то время как требовалось свести их в детально оформленную и целостно воспринимаемую систему, а затем настойчиво ее пропагандировать. Государственная власть обладала возможностью выбирать из разрозненных общественных представлений такие, которые более всего ее устраивали, а то и вовсе отмахиваться от любых предложений переустройства, слабо доносившихся снизу. В течение веков вплоть до конца ранневизантийского периода общественное сознание так и не выработало теории справедливой финансовой деятельности государства, хотя все условия для этого имелись. Данные источников позволяют заключить, что идеологические построения замерли на стадии осмысления взаимосвязи давно известных теоретических положений. Тем не менее на основе имеющихся элементов допустимо хотя бы приблизительно охарактеризовать не получившую четкого оформления византийскую теорию налогов IV–V вв., и в частности представление о правильной финансовой политике.

Согласно обобщенным общественным взглядам, неперенным участником, а чаще всего инициатором экономических событий государственного масштаба являлся император. Будучи воплощением государственного суверенитета, он обладал абсолютным финансовым правом, которое предполагало производство расходов, сбор и распределение доходов, формирование финансовой администрации и определение направлений финансовой политики в целом. Чтобы верховная власть приносила пользу не только государству, но и обществу, от императора требовались всего лишь навыки в искусстве управления. Глава государства должен был сознавать, что залогом счастливого существования позднеантичной (ромейской) державы являлась воплощаемая в действительность идея всеобъемлющего баланса.

Абсолютный баланс предполагал в частности соблюдение своеобразного общественного договора, который предусматривал бы взаимные равновеликие права и обязанности общества и государства. Конкретным проявлением идеи равновесия в сфере финансов признавалась взаимная обусловленность всех этапов финансового процесса. Каждый из участников этого процесса – от императора до последнего подданного – играл предназначенную ему роль, суть которой определяли предшествующий опыт и текущие обстоятельства. Совместное участие имущих, умов и властных функций обеспечивало устойчивость государственному зданию. Выход за пределы определенной каждому деятельности нарушал идеальную систему равновесия, угрожая обществу ущербом. Разумеется, основную долю ответственности за порядок несли при этом те, кто обладал властью.

Для каждого этапа финансовой деятельности государственной власти общество разработало примерные образцы правильного поведения, которые позво-

ляли легко выявлять отклонения от идеального варианта финансовой политики в целом. Структурообразующим для финансов этапа считался этап осуществления государственных расходов. Их нельзя было увеличивать за счет “необязательных” статей, к числу которых в обществе единодушно относили такие расходы, которые не приносили пользу всему гражданскому коллективу. Мерилом полезности тех или иных расходных статей было понятие “публичной необходимости”; самым необходимым признавался расход на государственную оборону. Все прочие расходы допускались только за счет императорских фондов, а не государственной казны. О нарушении порядка расходования общественных средств сигнализировало “истощение” казны, которое одновременно являлось и признаком грядущей большой опасности – роста налогов.

В качестве символа увеличения налоговой массы использовалось понятие “нового налога”. Назначенное в связи с недостатком средств дополнительное налоговое задание превышало некую стабильную величину обложения, которая представляла собой норму для местности или социальной группы, установленную “обычаем” или “древним” законом. Если новые налоги соответствовали понятию необходимости, то они были “терпимыми”, но лишь до некоторого предела. Даже необходимые военные налоги превращались в “ненормальные”, когда они угрожали (произвольно понимаемому) прожиточному минимуму. Идея баланса на этапе раскладки налогов питалась понятием “умеренности”, которое базировалось на образе зажиточного землевладельца, возможность существования которого определялась умеренностью налоговой политики. Античные мыслители верили в то, что земля способна при правильном подходе к ней обеспечивать стабильное благосостояние как гражданам государства, так и самой власти. На этом базировалось представление о глобальных отрицательных последствиях излишнего обременения налогами земледельцев и собственников земли (“истощение провинций”). Идеологи “правильного налогообложения” настаивали на скрупулезном высчитывании платежных возможностей каждого объекта обложения и требовали уменьшать предельно допустимую индивидуальную налоговую массу до начала распределения бремени на будущий год.

Несовершенство процедуры налоговых сборов заставило выразителей общественного мнения коснуться и темы участия в имперской финансовой деятельности местных чиновников. Их роль на этапе сбора налогов обычно описывалась терминами “грабеж” и “вымогательство”. В исторических источниках причины жадности сборщиков объяснялись попустительством со стороны верховной власти, и потому императорам советовали совершенствовать механизм сбора податей посредством исправления нравов тех, кто стоял во главе системы управления. Лишь немногие из ранневизантийских авторов предлагали просто сократить число сборщиков налогов.

В целом общественная концепция правильного устройства финансовой системы опиралась на ряд базовых (хотя и мало определенных) понятий, таких, как “разумность”, “обязанность”, “необходимость”, “умеренность”, “польза” и “благосостояние”, непременно сопровождаемых эпитетом “общественный”. Для демонстрации противоположных по смыслу примеров использовались антонимы: “бессмысленность”, “порок”, “мотовство”, “ущерб”, “опустошение”. Почти во всех рассмотренных выше ранневизантийских источниках использовались одинаковые оценочные категории в сходных контекстах. При этом несколько понятий оказались настолько общими, что не получили четкого определения в общественном сознании, однако сохранили популярность благодаря своей всеохватности, позволявшей усматривать индивидуальное в общем. Эти понятия –

“мера” и “справедливость”, которые возникали всякий раз, когда автор источника затруднялся с итоговым обобщением или не мог детализировать описываемое явление. В самом общем смысле эти понятия были синонимами “правильной финансовой деятельности”, символизируя вместе с тем недостаточную теоретическую зрелость общественной мысли.

Осуществленный нами анализ источников позволил выявить факт необычайной устойчивости общественных представлений позднеантичной эпохи²⁰¹. Как показывает сравнение, модель идеального налогообложения по Плинию Младшему (I в. н.э.) формально почти идентична модели Прокопия Кесарийского (VI в.). Удивительно то, что идейный континуитет поддерживался вопреки обстоятельствам. Во-первых, императорская власть либо стремилась исказить сущность предложенных обществом понятий и образов²⁰², либо просто игнорировала любые напоминания об идеальной модели поведения финансового руководителя²⁰³. Во-вторых, сама общественная мысль периодически “забывала” те или иные принципы “правильной” финансовой системы. Тем не менее общая картина вновь и вновь воспроизводилась в источниках и продолжала виртуально существовать как бы вне времени, что служит доказательством ее осознания и признания не только представителями интеллектуальной элиты.

²⁰¹ Ср.: *Хвостова К.В.* Античные элементы в позднеантичных аграрноправовых отношениях // ВВ. 1967. Т. 27. С. 119: “Непосредственное влияние античных традиций чрезвычайно ярко проявилось в сфере налогообложения”; *Удальцова З.В.* Историко-философские воззрения светских авторов ранней Византии // ВО. 1981. С. 9–10: “...мне кажутся несостоятельными попытки возрождать в новейшей литературе теорию континуитета античной и ранневизантийской культуры в целом... и отрицать глубокие различия между поздней античностью и ранней Византией... речь должна идти не о континуитете, а об одной из важных типологических особенностей византийской культуры, которой... было свойственно сохранение в больших, чем на Западе, масштабах античных традиций”. Континуитет, таким образом, все же признавался даже в отечественной историографии.

²⁰² *Чекалова А.А.* К вопросу о теории монархии в IV в. // ВО. 1991. С. 30; *Серов В.В.* “Теория налогов” в Римской империи... С. 75.

²⁰³ CJ. 9. 47. 12: vanae voces non sunt audiendae: nec enim vocibus eorum credi oportet...